К 68
„Король и анархист"

К 68

Библіотека „Анархиста“.

„Дайте дорогу Братству,
Дайте дорогу Человѣку“.
Эдвинъ Маркгамъ.

Король и анархистъ.

Современная повѣсть.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

35965 18°

Е МОСКОВСКОЙ ФЕДЕРАЦІИ АНАРХИЧЕСКИХЪ ГРУППЪ.

Тип. «Ломоносовъ». Москва.

К68
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 35265 г.
335.8:8 (041)

Король и анархистъ.

I.

— Ну вотъ,—сказалъ король, подписавъ послѣдній изъ груды государственныхъ документовъ, — поработалъ, довольно! Теперь отдыхать!

Онъ былъ одинъ. Въ сосѣдней комнатѣ, сквозь полуоткрытую дверь, задрапированную тяжелыми портьерами, можно было видѣть двухъ его секретарей, склонившихся надъ столомъ. Король радостно вытеръ свое царственное перо о конецъ своего царственнаго сюртука—привычка, оставшаяся у него отъ дней его юности, за что королева штрафовала его на золотую монету каждый разъ, какъ онъ бывалъ пойманъ на мѣстѣ преступленія,—вскочилъ со стула и подошелъ къ окну.

Нѣсколько минутъ онъ лѣниво барабанилъ по стеклу, раздумывая, что ему дѣлать. День былъ прекрасный; дулъ легкій вѣтерокъ; небо было ясно и чисто, какъ голубые глаза ребенка; нѣжная зелень ранняго лѣта покрывала деревья и склоны холмовъ; воздухъ, едва колыхавшій богатыя шторы, былъ полонъ пѣнія птицъ и благоуханія цвѣтовъ. Рѣка, струившаяся по великолѣпному парку, казалось, стремилась навстрѣчу колеблющемуся солнечному сіянію.

Король пересталъ барабанить.

— Бумаги готовы. Я отправляюсь на прогулку, джентльмены,—весело сказалъ онъ, входя въ задрапированную дверь.

— Если бы ваше величество потрудились прежде прочесть новый трактатъ... — поспѣшно заговорилъ министръ внутреннихъ дѣлъ.

— Къ чорту новый трактатъ!—легкомысленно сказалъ король, скользнувъ въ свою потайную дверь, и захлопнулъ ее за собою.

Но дверь такъ же быстро снова отворилась и очки министра сверкнули за плечомъ короля.

— Простите меня, сэръ, но подписали-ли ваше величество смертный приговоръ?

На этотъ разъ король не сказалъ: «къ чорту»! Онъ остановился, закурилъ папироску и отвѣтилъ мягко, но съ чуть замѣтной досадой:

— Мой дорогой графъ, я не видѣлъ такого приговора. Постойте, кажется, нѣсколько бумагъ слетѣло подъ столъ.

Министръ поспѣшилъ въ комнату. Минуту спустя, онъ вошелъ съ бумагой въ одной рукѣ и обмокнутымъ въ чернила перомъ—въ другой. Если бы вы были такъ добры, сэръ...

Король даже не прочелъ, а только взглянулъ на протянутую ему зловѣщую бумагу. Торопливо взявъ ее у министра, онъ приложилъ ее къ освѣщенной солнцемъ стѣнѣ и однимъ смѣлымъ росчеркомъ подписалъ въ правомъ углу листа: Карлъ R.

Это только что написанное имя, влажное и черное, такъ и лѣзло ему въ глаза и машинально онъ сличилъ его съ другимъ, съ именемъ осужденнаго, торжественно выплывшимъ передъ нимъ въ кольцѣ золотыхъ лучей солнца:—Карлъ Стернъ.

— Стернъ, Стернъ,—повторялъ король, какъ будто стараясь что-то припомнить и возвращая приговоръ ожидавшему министру.

— Это рабочій, сэръ, который во время послѣдней забастовки стрѣлялъ въ директора чугунолитейнаго завода «Вулканъ». Надо наказать его для примѣра другимъ.

— Вѣрно, вѣрно, такъ и надо. Чѣмъ меньше будетъ вокругъ насъ такихъ мятежныхъ головъ, тѣмъ лучше!—сказалъ король и сердито закрутилъ усы.

Министръ поклонился и ушелъ. Король свистнулъ своего волкодава, взялъ фетровую шляпу съ роговъ стоявшаго у входной двери чучела лося и хотѣлъ выйти изъ воротъ, когда сзади къ нему подошелъ шталмейстеръ.

— Не прикажете-ли сопровождать васъ, сэръ?

— Нѣтъ, полковникъ, благодарю васъ—отвѣтилъ улыбаясь король.—Я только пройдусь по парку, а Барсъ (онъ

потрепалъ ухо собаки) стоитъ десяти тѣлохранителей.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ замка.

Какъ большинство монарховъ нашего времени, Карлъ К. былъ склоненъ къ пышнымъ церемоніямъ, когда жилъ въ столицѣ или принималъ у себя сосѣднихъ государей; но когда онъ жилъ на дачѣ, весь придворный этикетъ отбрасывался въ сторону, и онъ жилъ относительно очень просто. И все-таки и сюда онъ привезъ цѣлый штатъ придворныхъ, многочисленную свиту, казавшуюся ему необходимой для поддержанія его королевскаго достоинства. Когда онъ вышелъ изъ портала замка на террасу, не видно было ни одного человѣческаго существа, кромѣ садовника, лѣниво соскребавшаго траву, пробивавшуюся между гравіемъ; но когда король завернулъ за ближайшій уголъ замка, онъ чуть не натолкнулся на молодого человѣка со впалыми щеками и угреватымъ лицомъ, похожаго на гусеницу подъ парализующимъ взглядомъ голоднаго воробья. Молодой человѣкъ попытался стушеваться, прижавшись къ стѣнѣ замка.

— Эй, вы! Что вы тутъ дѣлаете? Прочь съ глазъ!— съ нетерпѣніемъ вскричалъ король. — Вы знаете мои приказанія...

— Да, сэръ... да, ваше величество,—бормоталъ юноша, блѣдный отъ смущенія, — но я... но.. мнѣ приказали...

— Мнѣ нѣтъ дѣла до того, что вамъ приказываютъ другіе люди; мой приказъ ясенъ: — чтобы васъ никого не было видно!—сердито пробурчалъ его величество.— И онъ пошелъ дальше, съ нахмуреннымъ лицомъ, бормоча:—Вотъ что значитъ быть королемъ!

Однако хорошее расположеніе духа скоро вернулось къ нему. На слѣдующемъ поворотѣ онъ услышалъ звонъ колокольчиковъ и увидалъ подъ деревьями свою жену съ ея статсъ-дамами и наслѣдника, сосавшаго свой царственный палецъ и совершавшаго въ сопровожденіи нѣсколькихъ придворныхъ свою утреннюю прогулку въ маленькой колясочкѣ, запряженной бѣлыми козами. Улыбка удовольствія освѣтила лицо короля: дамы были очень хорошенькія и хорошо одѣты. Онъ сдѣлалъ имъ рукою знакъ привѣтствія и быстро зашагалъ въ проти-

воположномъ направленіи, по травѣ, подъ деревьями. Обогнувъ массивный дубъ, онъ натолкнулся на человѣка въ зеленой одеждѣ лѣсничаго.

— Это ужъ слишкомъ!—вскричалъ король, съ гнѣвомъ ударяя тростью по дереву.—Мое приказаніе было, чтобы васъ никогда не было видно, никогда не было слышно. Это вторая встрѣча на протяженіи пятнадцати минутъ. Это хоть кого выведетъ изъ себя! Неужели вы не можете стушеваться?

— Мы стараемся, какъ только возможно, ваше величество, — сказалъ человѣкъ, видимо разстроенный гнѣвомъ короля; но будучи старше и опытнѣе юноши, возбудившаго передъ тѣмъ гнѣвъ короля, онъ продолжалъ, снявъ фуражку:

— Шефъ далъ намъ строгое приказаніе охранять ваше величество именно сегодня, и если мы, по оплошности, перешли границы нашей священной обязанности...

— Ваша священная обязанность—охранять мою священную особу, но я противъ того, чтобы эта ваша священная обязанность постоянно лѣзла мнѣ на глаза. Вы понимаете меня, Матіасъ?

— Понимаю, и всѣми силами постараюсь не попадаться вашему величеству на глаза,—отвѣчалъ, низко кланяясь, лѣсничій.—До сихъ поръ это мнѣ удавалось; ваше величество не видѣли меня, хотя я слѣдовалъ за вами отъ самой двери замка.

Откровенность лѣсничаго не была непріятна королю; онъ улыбнулся, закручивая усы.

— Да, дѣйствительно, я не видѣлъ васъ, и пока я не вижу, я мирюсь съ этой тягостью моего сана. Но почему меня такъ усиленно охраняютъ сегодня?

— Вслѣдствіе полученнаго извѣщенія, что опасный анархистъ находится здѣсь по близости, сэръ.

— Но почему же вы не ходите, какъ тѣнь, за анархистомъ, вмѣсто того, чтобы ходить за королемъ?

— Къ сожалѣнію, мы потеряли этого человѣка изъ вида, ваше величество. За нимъ наблюдали на границѣ, но онъ ускользнулъ отъ полиціи. Вчера мы узнали, что онъ находится всего въ двадцати миляхъ къ сѣверу отсюда. Онъ навѣрное пробирается къ столицѣ, и, конечно, съ преступнымъ намѣреніемъ.

— Почему «конечно»?

— Вѣдь онъ—анархистъ, сэръ.

— Ну такъ что же?

— Слѣдовательно, склоненъ къ преступленію.

— Я не вижу логики.

— Если онъ анархистъ, сэръ, то, слѣдовательно, склоненъ къ преступленію.

— Кто это говоритъ?

— Мы говоримъ это.

— Да, конечно. Проницательность вашихъ агентовъ вошла въ пословицу. Удивительное учрежденіе! — сказалъ король.—Я уважаю и цѣню его, какъ лучшаго защитника справедливости, соціальной системы и моего королевства.

Въ этихъ словахъ не было иронiи; король любилъ свою полицію почти такъ же, какъ и свою армію.

Онъ ласково кивнулъ головой мнимому лѣсничему и хотѣлъ продолжать свою прогулку. Послѣдній осмѣлился почтительно замѣтить:

— Было бы лучше, если бы ваше величество не выходили изъ парка безъ свиты, пока мы не поймаемъ этого бездѣльника.

— Благодарю васъ, — сказалъ король. — Если я встрѣчу этого джентльмена, то, я думаю, мой песъ раздѣлается съ нимъ по своему. А теперь,—прибавилъ онъ съ удареніемъ,—продолжайте свое дѣло и предоставьте мнѣ поступать, какъ я нахожу нужнымъ.

Съ этими словами онъ ушелъ.

Шпіонъ укоризненно посмотрѣлъ вслѣдъ своему царственному господину.

— Если бы онъ былъ ограниченъ въ свободѣ своихъ прогулокъ, было-бы легче за нимъ слѣдить, — размышлялъ онъ, поворачивая къ замку.—Что однако произошло между нимъ и шефомъ? Послѣднее время они что-то не ладятъ. Однако я не намѣренъ убраться во-свояси и потерять всякіе шансы на повышеніе и прибавку. Ну нѣтъ, Матіасъ не таковъ!

Онъ захохоталъ и началъ снова скользить и мелькать между деревьями.

Король между тѣмъ продолжалъ свой путь, сначала съ нахмуреннымъ лицомъ. Хотя онъ считалъ своихъ ох-

рашниковъ славными ребятами, но видѣть каждый день одного или двухъ агентовъ, торчащихъ передъ глазами, становилось скучно. Но досада его быстро растаяла подъ благотворнымъ вліяніемъ прекраснаго утра. Да и кто могъ бы долго питать неудовольствіе, а тѣмъ болѣе злобу, когда весь міръ залитъ солнечнымъ сіяніемъ, когда на каждомъ деревѣ щебечутъ птицы, когда яркіе цвѣты, въ чистомъ экстазѣ обожанія, поднимаютъ головки, подъ горячими лобзаніями солнечныхъ лучей. Король глубоко вдыхалъ ароматный воздухъ и думалъ, что жизнь, вообще, хорошая вещь. Онъ сдѣлался почти сантиментальнымъ и остановился, чтобы сорвать крупную полевую ромашку, росшую у него подъ ногами: его жена любила эти цвѣты.

Но она не получила этой ромашки. Когда король нагнулся надъ цвѣткомъ, по какой-то странной игрѣ воображенія, на золотистой сердцевинѣ цвѣтка выступила строчка черныхъ буквъ, и имя «Карлъ Стернъ» таинственно глянуло на него, какъ недавно съ освѣщенной солнцемъ стѣны его замка.

Король ударомъ трости сбилъ головку дерзкаго цвѣтка.

— Вздоръ!—пробормоталъ онъ, зашагавъ дальше,—я никогда не поддамся такому ложному чувству. Власть надъ жизнью и смертью—это прерогатива короля, и онъ не можетъ передать ее своему министру внутреннихъ дѣлъ. Тѣмъ не менѣе я предпочелъ бы, чтобы въ такіе чудные дни онъ, а не я, подписывалъ смертные приговоры.

Король шелъ быстро, какъ будто стараясь отдѣлаться отъ непріятной мысли, и подошелъ къ низкимъ воротамъ, выходившимъ въ этомъ мѣстѣ парка на большую дорогу, пролегавшую черезъ королевское помѣстье. Онъ рѣшилъ непремѣнно быть веселымъ, и, свистнувъ свою собаку, онъ ускорилъ шаги почти до бѣга. Одинъ скачокъ—и онъ очутился за воротами, сбивъ съ ногъ шефа своей тайной полиціи и едва удержавшись на ногахъ.

Посыпались оправданія, заискивающія со стороны сановника, и нѣсколько грубоватыя—со стороны короля.

— Простите, Штейнкопъ,—сказалъ король, надѣвая шляпу, слетѣвшую отъ толчка,—но почемъ я зналъ, что

вы торчите по ту сторону забора. Сегодня вы, кажется, сговорились всѣ попадаться мнѣ на глаза.

Шефъ полиціи былъ большой, плотнаго сложенія мужчина съ военной осанкой; стальнаго цвѣта усы торчали острыми концами кверху; холодные сѣрые глаза напоминали блескъ лезвія ножа; острый, проницательный взглядъ ихъ былъ устремленъ съ едва скрываемой досадой на незначительную физіономію вице-инспектора странной боли, отъ которой на мгновеніе побѣлѣли его губы.

— Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что мы принуждены быть на-сторожѣ сегодня, сэръ, — отвѣтилъ онъ голосомъ настолько мягкимъ, насколько жестокъ былъ издававшій его ротъ,—и я нисколько не пожалѣю, что послужилъ препятствіемъ на вашемъ пути, лишь бы только это помѣшало вамъ идти дальше.

— Вздоръ!—возразилъ король,—я не допускаю, чтобы стѣснили свободу моихъ прогулокъ. Съ палкой и собакой я могу выдержать борьбу съ любымъ злодѣемъ, который преградитъ мнѣ путь.

— Я согласенъ съ этимъ, сэръ. Но когда дѣло идетъ объ анархистахъ...

— Ну,—засмѣялся король,—всѣмъ намъ хорошо извѣстна ненависть нашего вѣрнаго Штейнкопа къ этимъ «каналіямъ». Но мнѣ кажется, что злодѣи скорѣе готовы напасть на васъ, своего заклятаго врага, чѣмъ на меня.

— Нѣтъ, сэръ. Они завѣдомые трусы, и никогда не нападаютъ на полицію. Они знаютъ, что мы часто носимъ оружіе, а короли обыкновенно не носятъ его, а потому стрѣляютъ въ королей и не трогаютъ полиціи. Для этой презрѣнной сволочи нѣтъ достаточно строгаго наказанія. Я желалъ бы, чтобы ваше величество издали законъ, дозволяющій намъ стрѣлять въ нихъ, едва мы ихъ завидимъ, какъ въ бѣшеныхъ собакъ, такъ какъ они и въ самомъ дѣлѣ бѣшеныя собаки, готовыя вонзить свои завистливые клыки въ каждаго человѣка, который хоть немного лучше ихъ. Возьмите, напримѣръ, Стерна.

— Но онъ не анархистъ.

— Ваше величество, его братъ — анархистъ, а это все равно. Безъ сомнѣнія, онъ втайнѣ усвоилъ нѣкоторыя изъ бунтовщическихъ идей послѣдняго. Эта ядовитая зараза передается всей семьѣ. У кого, кромѣ анар-

хиста, хватило бы духу стрѣлять въ такого достойнѣйшаго джентельмена, какъ директоръ чугунно-литейнаго завода, мотивируя это тѣмъ, что, хотя заводы и закрыты, но директоръ получаетъ свои тысячи въ то время, какъ Стернъ и ему подобные умираютъ съ голода. Джентельмены должны жить, хотя бы бѣдные и умирали съ голода. Чѣмъ могли бы бѣдняки оправдать свое существованіе, еслибъ они не служили благороднымъ? Рабочіе всегда думаютъ, что путь къ преобразованіямъ лежитъ черезъ бунтъ.

— Вѣрно, вѣрно,—задумчиво сказалъ король.—Вы умный человѣкъ, Штейнконъ. Что касается Стерна, то ему не представится больше случая стрѣлять въ кого бы то ни было. Полчаса тому назадъ я подписалъ ему смертный приговоръ.

— Это хорошо, ваше величество. Это будетъ поучительный примѣръ для черни. Смѣю спросить, куда вы изволите направляться?—кротко спросилъ онъ.

— Не знаю. Мы съ Барсомъ просто пошли гулять.— Онъ свистнулъ собаку, которая подбѣжала къ хозяину и заворчала на чиновника.

— Прошу васъ, сэръ, не ходить далеко. Мои люди очищаютъ страну отъ самаго опаснаго человѣка. Человѣкъ этотъ не кто иной какъ братъ Стерна. Какъ ярый анархистъ, онъ, навѣрное, задумываетъ какой-нибудь ударъ обществу, какъ они выражаются на своемъ жаргонѣ; за его преступленія, подъ которыми они подразумѣваютъ защиту предпринимателями своихъ интересовъ отъ противозаконныхъ посягательствъ рабочихъ. Получено извѣщеніе, что онъ находится гдѣ-нибудь здѣсь по сосѣдству. Хотя мы увѣрены, что выслѣдимъ его, но все-таки было-бы лучше, если бы ваше величество оставались по ту сторону рѣшетки,—заключилъ шефъ полиціи съ ледяной улыбкой, которая сходила у него за любезную.

— Матіасъ предупредилъ меня объ этомъ человѣкѣ. Если дѣло доходитъ до того, что даже въ предѣлахъ моей лѣтней резиденціи я не могу гулять, не будучи сопровождаемъ цѣлой свитой адъютантовъ или вооруженныхъ полицейскихъ, то я принужденъ буду серьезно подумать объ изданіи какого-нибудь закона, вродѣ того

какой вы предлагаете, Штейнкопъ. Я не хочу, чтобы вся моя жизнь сводилась къ приспособленію къ причудамъ негодяевъ-анархистовъ. Гдѣ вы разставили вашихъ людей?

— На всѣхъ главныхъ дорогахъ, ведущихъ въ столицу. Въ мѣстности къ сѣверу былъ такимъ образомъ изслѣдованъ каждый дюймъ.

— Ну, такъ я пойду къ сѣверу, и вы можете не безпокоиться о моей безопасности.

Съ этими словами король прошелъ черезъ ворота на противоположную сторону дороги и вскорѣ исчезъ изъ вида въ зеленой чащѣ лѣса.

Шефъ полиціи продолжалъ свой путь, проклиная анархистовъ, такъ какъ при каждомъ шагѣ, содрагался отъ боли въ поврежденной ногѣ.

II.

Однако Карлъ К. не былъ еще доведенъ до состоянія, граничащаго съ истеріей, навѣтами министровъ, жаждущихъ секретныхъ фондовъ, предназначенныхъ на непредвидѣнные расходы, грубыми сплетнями журналистовъ, старающихся превзойти другъ друга въ инсинуаціяхъ, или происками полицейскихъ агентовъ, старающихся запугать своего государя, чтобы склонить его къ увеличенію жалованія. Давъ шефу Штейнкопу достаточно времени, какъ онъ полагалъ, для того, чтобы скрыться изъ вида, король повернулъ назадъ и возвратился на большую дорогу. У него была цѣль прогулки, и онъ хотѣлъ достигнуть ея, несмотря на полицію и анархистовъ.

Пройдя съ милю по большой дорогѣ, король достигъ едва замѣтной тропинки, которая уходила въ поле и, казалось, терялась тамъ. Но король свернулъ на эту тропинку, зная, что она приведетъ его къ заброшенной мельницѣ, утонувшей въ зелени, къ тихой рѣчкѣ, въ которой водилось множество форелей. Король шагалъ черезъ пустоши и влажные луга, пока тропинка не вывела его на цвѣтущій берегъ рѣки.

Вдругъ Барсъ съ рычаніемъ бросился впередъ и исчезъ за поворотомъ тропинки. Завернувъ за уголъ, король увидѣлъ, что собака, съ опущенной мордой и още-

тинившеюся шерстью подкрадывалась къ очень неприглядному предмету—человѣку въ бумазейной одеждѣ, который сидѣлъ на берегу рѣки и мылъ ноги. Къ удивленію короля, этотъ человѣкъ не выказывалъ ни малѣйшей тревоги, когда собака приблизилась къ нему съ зловѣщимъ рычаньемъ; вмѣсто того, чтобы испугаться, онъ ласково протянулъ собакѣ руку, которую Барсъ обнюхалъ и затѣмъ, къ еще большему удивленію короля, усѣлся съ большимъ достоинствомъ рядомъ съ незнакомцемъ и замахалъ хвостомъ.

«Они, должно быть, встрѣчались раньше», — подумалъ король, видя, что человѣкъ гладитъ собаку по головѣ: «Это вѣрно работникъ съ фермы, или... Если это опять шпіонъ, то я его поколочу!»

Но когда заглушенными мягкой травой шагами онъ незамѣтно подошелъ къ этому человѣку, то сразу увидѣлъ, что это не былъ полицейскій агентъ. Рука, лежавшая на головѣ собаки, была загрубѣлая отъ работы; стоявшіе на землѣ башмаки были починены и въ заплатахъ, а бѣлый взглядъ на одежду открылъ на ней пятна отъ работы и пыль отъ недавняго путешествія. Король пришелъ въ замѣшательство, потому что лежавшая на травѣ шапка была фуражкой рабочаго, а дружеское отношеніе Барса означало, что это человѣкъ, котораго собака хорошо знала. Въ эту минуту незнакомецъ вынулъ изъ воды ногу, и король увидѣлъ, что изъ нея идетъ кровь. Для особы такого важнаго сана, король всегда отличался привѣтливостью съ людьми простого званія и никогда не упускалъ удобнаго случая упрочить свою популярность нѣсколькими ни къ чему не обязывающими словами, брошенными какому-нибудь простолюдину, встрѣтившемуся на его пути; слова ничего не стоили, а черпь, если она не требовала такъ называемыхъ своихъ правъ, бывала иногда по-своему очень забавна. Подойдя къ незнакомцу, онъ сказалъ тономъ добродушнаго участія:

— Вы, кажется, сильно порѣзались.

До сихъ поръ путникъ не замѣчалъ присутствія другого человѣка при этой сценѣ. Устремивъ взоръ на убѣгающія воды, онъ былъ погруженъ въ глубокую задумчивость, принявъ даже появленіе большой собаки за

простое добавленіе къ окружающей его природѣ. Но звукъ человѣческаго голоса, нарушившій тишину природы, сразу заставилъ его насторожиться; онъ быстро осмотрѣлся вокругъ, и королю показалось, что его загорѣлое лицо побѣлѣло и выраженіе подозрительности мелькнуло на секунду въ его глазахъ. Затѣмъ онъ просто отвѣтилъ:

— Да, рана довольно глубока, но я думаю, что холодная вода и компрессъ изъ травы скоро остановятъ кровь.

— Гдѣ вы видѣли раньше мою собаку?—спросилъ король. Разгорячённый ходьбою, онъ сѣлъ на траву и смотрѣлъ на незнакомца.

— Это ваша собака? Я этого не зналъ. Я люблю животныхъ и они, повидимому, чувствуютъ это.

— Я никогда не видѣлъ, чтобы моя собака такъ охотно ласкалась къ постороннему. Вы, навѣрное, служите гдѣ-нибудь по сосѣдству?

— Нѣтъ,—былъ лаконическій отвѣтъ, и глаза этихъ двухъ людей встрѣтились. Взглядъ короля выражалъ пытливое недовѣріе; въ глазахъ путника вспыхнуло что-то похожее на вызовъ.

«Онъ не знаетъ, кто я», подумалъ король, не слыша въ отвѣтахъ незнакомца почтительныхъ титуловъ, съ которыми къ нему всегда обращались. «Должно быть, безъ мундира и орденовъ у меня не особенно внушительный видъ,—со вздохомъ подумалъ онъ, и тутъ же у него мелькнула мысль: «А что, если это...?» Онъ нервно подергалъ усы, и кровь ударила ему въ голову; но взглянувъ пристальнѣе въ лицо незнакомца, истомленное тяжелымъ трудомъ и лишеніями, выпадающими на долю бѣдняковъ, онъ улыбнулся: въ этомъ лицѣ не было ничего зловѣщаго. Голубые глаза прямо и открыто смотрѣли въ его собственные; лобъ высокъ, взглядъ серьезенъ и полонъ ума и мысли. Выраженіе спокойной силы и дѣтскаго простодушія на лицѣ возбуждало довѣріе и невольно привлекало вниманіе. «Это грубый, но честный человѣкъ» продолжалъ бесѣдовать самъ съ собою король. Анархистъ не могъ бы такъ выглядѣть. Развѣ министры и полиція не прожужжали ему уши тѣмъ, что эти страшные злодѣи носятъ на лбу печать

Канна? Люди, которые забавляются убійствами; которые, потерявъ всякое нравственное чувство, проводятъ свою распутную жизнь въ карточной игрѣ, въ мошенничествахъ и грабежахъ, отказываясь отъ всякаго честнаго труда, неврастеники и эпилептики не глядятъ такъ добродушно. Рѣшительно онъ не могъ допустить, чтобы этотъ человѣкъ принадлежалъ къ этой ужасной сектѣ, члены которой глухи къ доводамъ разума и въ которыхъ, какъ справедливо замѣтилъ его шефъ полиціи, надо стрѣлять какъ только увидишь, пока они не будутъ истреблены всѣ до одного. Такъ далеко, правда, онъ еще не рѣшился зайти, но все же онъ позволилъ полиціи въ его владѣніяхъ безпощадно расправляться со всякимъ, заподозрѣннымъ въ анархизмѣ. Полиція, какъ ему доложилъ по этому случаю его министръ внутреннихъ дѣлъ, дѣлала жизнь непріятною для нихъ.—«Хорошо,—замѣтилъ при этомъ король,—давайте имъ дозу ихъ собственнаго лѣкарства».

Вспоминая все это, король усмѣхнулся про себя; папироса и спокойная бесѣда съ скромнымъ незнакомцемъ, котораго судьба послала на его пути, казались какъ нельзя болѣе умѣстными въ такомъ уютномъ уголкѣ и улыбались пресыщенному человѣку, всегда искавшему новыхъ впечатлѣній.

— Гдѣ же вы работаете, если не здѣсь?—спросилъ король, возобновляя свои разспросы съ нахальствомъ аристократа, не признающаго за простымъ смертнымъ права не отвѣчать на его праздное любопытство.

Незнакомецъ обратилъ на него свои спокойные голубые глаза.

— У меня нѣтъ работы,—просто сказалъ онъ.

— А, такъ вы бродяжничаете? Отправляетесь, вѣроятно, въ городъ?

— Надѣюсь попасть туда.

— Какое ваше ремесло?

— Я работалъ на желѣзномъ заводѣ.

— Вы, вѣрно, хотите попытаться найти мѣсто на заводѣ «Вулканъ»?

— Не думаю, — возразилъ незнакомецъ, взглянувъ сначала на бѣгущую воду, а потомъ на короля, и во взглядѣ его, казалось, вспыхнулъ мрачный огонь.

— Попытайтесь непремѣнно поступить туда, — почталъ король,—администраторы этой компаніи превосходные люди, истинные друзья каждаго скромнаго, трудолюбиваго рабочаго. Послѣ послѣдней стачки они нуждаются въ новыхъ рабочихъ, чтобы замѣнить прежнихъ; идите туда, мой другъ.

— Нѣтъ, я не думаю,—былъ снова отвѣтъ.

— Какъ хотите,—сухо сказалъ король, не привыкшій, чтобы его совѣтами пренебрегали. — Но какъ человѣкъ-знающій, говорю вамъ, что это единственный заводъ въ округѣ, нуждающійся въ механикахъ. Не хорошо рабочему человѣку проводить время въ праздности, повѣрьте мнѣ. Да вы и не похожи на лѣнтяя,—любезно прибавилъ онъ.

— Благодарю васъ,—серьезно и вѣжливо отвѣтилъ незнакомецъ. — Нѣтъ, — продолжалъ онъ, положивъ свою мозолистую руку на колѣни, ладонью кверху, и переводя затѣмъ глаза на выхоленные, унизанные кольцами пальцы, державшіе папиросу, — это гораздо менѣе руки лѣнтяя, чѣмъ ваши, мой благородный господинъ.

— Вы, рабочіе, дѣлаете въ этомъ случаѣ большую ошибку; вы слишкомъ односторонни,—сказалъ король, пуская въ воздухъ кольца дыма.—Вѣдь если наши руки остаются праздными, то нельзя этого сказать о нашей головѣ. Умственный трудъ въ такой-же мѣрѣ, какъ и физическій, необходимъ для правильнаго хода вещей на свѣтѣ. Могу васъ увѣрить также, что горе и заботы ощущаются богатыми съ такою же остротою, какъ и бѣдными.

— Это вопросъ. Забота, рожденная въ ясляхъ, можетъ по виду походить на заботу, утопающую въ шелковой колыбели. Горе, сжимающее сердце богача, можетъ быть то же, которое гложетъ душу бѣдняка. Но, видите ли: если вашъ мозгъ устанетъ, вы можете отдохнуть, и никто не умретъ съ голода, оттого что вы отдыхаете. Когда сердце ваше разрывается, вы можете бѣжать, если хотите, на край свѣта, пока цѣлительный бальзамъ новыхъ мыслей, новыхъ впечатлѣній, новыхъ надеждъ не убаюкаетъ вашей скорби. А когда къ намъ приходитъ горе, какъ можемъ мы укротить или убить его? Пьянствомъ, рабской вѣрой въ

сверхъестественное, тяжелымъ трудомъ. Но развѣ это помогаетъ? Забудетъ-ли умирающая отъ голода лошадь свой голодъ, если ее заставятъ везти еще болѣе тяжелую кладь? Какая молитва можетъ вернуть назадъ труженика, убитаго ради повышенія дивидендовъ мануфактуры, или смягчить сердце тирана-хозяина? Правда, въ стаканѣ вина рабочій можетъ потопить горести, неразрывно связанныя съ его судьбой, но черезъ нѣсколько жалкихъ часовъ онѣ снова поднимаютъ вой въ его груди. Ахъ нѣтъ! не говорите мнѣ никогда, что при настоящихъ условіяхъ жизни горести бѣдныхъ и богатыхъ одинаковы. Мы можемъ понять вашу радость, а вы никогда не можете понять нашего горя.

— Ваши слова полны горечи, но опять скажу вамъ что вы ошибаетесь,—заговорилъ снова король.—Никогда бѣдные не занимали до такой степени мыслей богатыхъ, какъ въ настоящее время. Мы постоянно дѣлаемъ что-нибудь для васъ: мы строимъ вамъ дома, воспитываемъ вашихъ дѣтей, лѣчимъ васъ, когда вы больны...

— Анатомируете и хороните насъ, когда мы умираемъ, а мы все-таки недовольны!—подхватилъ путникъ съ насмѣшливой улыбкой.—Но какъ можемъ мы быть довольны, когда дома, которые вы строите — работные дома, ваше образованіе — сухая мякина, засаривающая голодный умъ, больница — лишь прелюдія къ могилѣ бѣдняка. Право было бы чудомъ, если бы мы были довольны!

— Но въ такомъ случаѣ что же вамъ еще нужно? Конечно, во всякой борьбѣ нѣкоторые падаютъ по пути; самая жизнь есть борьба.

— Именно—борьба, въ которой бѣдные всегда падаютъ по пути. Пусть только споткнется богатый, и сотня рукъ протянется, чтобы поднять его, а бѣднякъ — пусть лежитъ!

— Другъ мой, — ласково сказалъ король,—зачѣмъ говорить съ такой горечью? Какая польза бороться съ волей Неба! До тѣхъ поръ пока будетъ существовать міръ, въ немъ будутъ богатые и бѣдные.

— Ахъ, эти небесныя предписанія, эти розги, при посредствѣ которыхъ въ прежніе угрюмые вѣка церковь и государство держали человѣчество въ рукахъ!—

насмѣшливо воскликнулъ незнакомецъ, откидывая назадъ голову.—Скажите мнѣ: вначалѣ, когда первые люди нашей расы, равные и свободные, начали жить и трудиться на этой землѣ, скажите мнѣ, развѣ тогда уже Небо опредѣлило, чтобы несправедливость и жестокость всегда немилосердно сопутствовали ходу прогресса? Посмотрите на доску, прибитую подъ тѣмъ деревомъ, что на ней написано? «Земли короны. Посторонним входъ воспрещается». Развѣ это Небо повелѣло, чтобы наступилъ день, когда отъ бѣдныхъ будетъ отнятъ каждый клочокъ земли, когда хромому человѣку, вродѣ меня, напримѣръ, будетъ вмѣняться въ преступленіе, если онъ протянетъ свое усталое тѣло на мягкой травѣ, наберетъ хворосту, чтобы разложить костеръ, разставитъ западню для дикой птицы или звѣря, когда его мучитъ голодъ? Знаете ли вы, что такое голодъ, вы, могущіе истратить сотни золотыхъ монетъ на породистую собаку или брилліантовое кольцо? Я видѣлъ, какъ умирали отъ голода моя жена и дѣти,—а я любилъ ихъ...

Голосъ его оборвался; среди наступившей тишины пѣсня жаворонка звенѣла въ ушахъ короля; въ рѣкѣ плескала форель.

— Какъ это случилось?—спросилъ король и про себя подумалъ:—Пьянство, расточительность!

— Слушайте. Когда мы съ женой зажили своимъ хозяйствомъ, сначала все шло хорошо. Я былъ силенъ и трудолюбивъ, знатокъ, какъ говорили, своего дѣла. Нѣсколько лѣтъ я работалъ у одной фирмы, отдавая ей все, что я могъ отдать: свой трудъ и свое искусство. За это я получалъ жалованье, котораго, при моей собственной бережливости и экономіи моей жены, какъ разъ хватало на жизнь. И вдругъ однажды меня уволили безъ всякаго предупрежденія. Въ правленіи произошла перемѣна; новый директоръ нашелъ, что онъ можетъ удвоить прибыль акціонеровъ, сокративъ число рабочихъ. Сотни двѣ ихъ и въ томъ числѣ я, остались безъ работы. Ссылки на долгую и вѣрную службу были безполезны. Это было время застоя въ промышленности; цѣлые мѣсяцы я бродилъ по деревнямъ въ поискахъ работы, а дома тѣмъ временемъ все распродавалось, что-

бы прокормить дѣтей. Моя жена поступила на фабрику, гдѣ, согнувшись съ утра до вечера надъ станкомъ, она убивала свои слабыя силы въ тщетныхъ усиліяхъ не пустить голодъ въ дверь. Ея заработка едва-ли бы хватило на то, чтобы прокормить вашу собаку въ теченіе года. Иногда мнѣ попадалась поденная работа, тѣмъ не менѣе мы впадали все въ большую и большую нищету; наши забитые нуждою сосѣди перебивались такъ-же, какъ и мы. Кто могъ помочь намъ? Да, я знаю, что вы скажете: есть работные дома. Работный домъ! Это казенная гробница для умирнаго мужества бѣдняковъ! Онъ клеймитъ позоромъ всякую разбитую душу, которую несправедливость и отчаяніе заставляютъ искать пріюта въ его стѣнахъ. Онъ принижаетъ человѣка, отнимая его послѣднее утѣшеніе, возможность бросить въ лицо праздному тунеядцу гордыя слова: «Я никогда не ѣлъ хлѣба, брошеннаго изъ милости!» И бѣдняки имѣютъ свою гордость! Лучше смерть на мостовой, чѣмъ ненавистная милостыня попечительства о бѣдныхъ. Но у насъ были дѣти... И вотъ однажды, обезумѣвъ отъ ихъ безпомощныхъ слезъ, я пошелъ на рынокъ и изъ множества разложенныхъ тамъ съѣстныхъ припасовъ взялъ кусокъ мяса. Это увидѣли. Меня схватили и привели къ судьѣ. Какое дѣло сытому человѣку съ обезпеченнымъ положеніемъ до голоднаго бѣдняка? «Голодъ не извиненіе для воровства—сказалъ онъ,—два мѣсяца заключенія». Два мѣсяца я томился въ тюрьмѣ. Когда срокъ окончился, и я возвратился въ пустую комнату, которую мы называли своимъ домомъ, одинъ изъ моихъ дѣтей умеръ. Клеймо вора окончательно лишило меня всякихъ заработковъ. Стоило мнѣ только показаться на рынкѣ, какъ полицейскіе, точно собаки, слѣдовали за мной по пятамъ:—вѣдь я былъ воръ! Однажды вечеромъ, моя жена возвратилась съ фабрики. Я и теперь еще вижу ее, вижу, какъ тихо отворилась дверь и она вошла шатаясь, упала къ моимъ ногамъ и положила голову ко мнѣ на колѣни. Милое лицо, которое я такъ любилъ, было бѣло какъ снѣгъ, и волосы прилипли къ вискамъ. «Другъ мой, прошептала она задыхаясь, я умираю»... Я отдалъ бы всю кровь моего сердца, чтобы спасти эту дорогую жизнь... Но плохое питанье, непосильный трудъ,

постоянная печаль о дѣтяхъ и обо мнѣ сдѣлали свое дѣло. Она умерла.

Голосъ разсказчика прервался; но онъ скоро оправился и продолжалъ, смотря прямо въ лицо короля:

— Что было потомъ, я не помню. Когда я, слабый и истерзанный, вышелъ изъ больницы, гдѣ пролежалъ нѣсколько недѣль, мнѣ сказали, что у меня нѣтъ больше дѣтей. Кто же, я спрашиваю, былъ убійцей моей жены и дѣтей, такъ какъ убиты они были, вы видите? По вашему, конечно, «воля Неба»? Никогда! Они были убиты той системой, которую короли и правительства, церковь и государство унаслѣдовали отъ древнихъ и которую они стараются сохранить неизмѣнной, чтобы передать потомкамъ въ томъ-же видѣ, въ какомъ получили отъ предковъ, — системой, которая даетъ богатому въ милліонъ разъ больше, чѣмъ ему нужно, и отымаетъ у бѣднаго самое необходимое. Убиваемые волею богатыхъ и сильныхъ, мы умираемъ для того, чтобы они... чтобы вы могли жить.

Суровое обвиненіе, произнесенное тономъ горячаго убѣжденія, задрожало въ воздухѣ; говорившій умолкъ, глубоко вздохнулъ и снова сталъ глядѣть на воду.

Король, давно уже отбросившій прочь папиросу, задумчиво похлопывалъ тростью по ногѣ, изучая профиль незнакомца. Впервые въ жизни видѣлъ онъ передъ собою настоящаго, неподдѣльнаго рабочаго, такъ сказать, рабочаго въ дикомъ видѣ. Много разъ ему случалось бесѣдовать въ полѣ или на фабрикѣ съ рабочими, но никогда онъ не встрѣчалъ такого, который бы былъ похожъ на его собесѣдника. Рабочіе, выбранные для того, чтобы остановить на себѣ вниманіе короля, обыкновенно были одѣты въ лучшія платья и отличались наилучшими манерами; это были вылощенные рабы, смотрѣвшіе на него съ благоговѣйнымъ страхомъ и готовые лизать землю, по которой онъ ступалъ. Рѣшительно, ему ни разу еще не доводилось бесѣдовать съ людьми подобнаго типа. Злобу, съ которою тотъ обрушивался на людей, стоявшихъ выше его, нельзя было объяснить одной завистью; несомнѣнно, это былъ человѣкъ съ независимымъ умомъ. «Бѣдняга», подумалъ король. И, вспомнивъ о своей собственной женѣ, онъ началъ разсѣянно рвать

нѣжные цвѣты, пестрѣвшіе въ травѣ у его ногъ: королева любила полевые цвѣты. Потомъ король сказалъ:

— Другъ мой, ваша исторія правдива и трогательна, и боюсь, что она не единична въ наши дни коммерческой конкуренціи. Надо быть совсѣмъ безчувственнымъ, чтобы не сочувствовать вамъ. Повѣрьте мнѣ, не всѣ богатые — людоѣды; какъ наблюдательный человѣкъ, вы должны допустить, что всякое правило имѣетъ исключенія. Вы правы, говоря, что система, на которую вы такъ негодуете, унаслѣдована нами отъ древнихъ. Но міръ идетъ впередъ гораздо медленнѣе, чѣмъ думаютъ нѣкоторые мечтатели; старыя системы, давно установившіеся обычаи не могутъ быть уничтожены въ одинъ день; механизмъ, управляющій нашей жизнью, слишкомъ сложенъ для того, чтобы онъ могъ быстро измѣниться. «Постепенно впередъ» — вотъ единственный вѣрный лозунгъ въ дѣлахъ этого міра, даже въ томъ случаѣ, если дѣло идетъ объ уничтоженіи злоупотребленій. Будьте снисходительны! Богатые гораздо болѣе сочувствуютъ бѣднымъ, чѣмъ это думаютъ послѣдніе.

Незнакомецъ посмотрѣлъ на короля съ насмѣшливой улыбкой на губахъ. Указывая на дерево, на которомъ была прибита дощечка съ объявленіемъ, онъ спросилъ:

— Предположимъ, что эта земля была бы ваша, согласились ли бы вы снять это ограниченіе или то, которое я замѣтилъ за милю по рѣкѣ: «Эти воды строго охраняются. Рыбная ловля воспрещается. Виновные будутъ привлечены къ законной отвѣтственности».

— Нѣтъ, — коротко отвѣтилъ король,—потому что въ такомъ случаѣ земля и вода перестали-бы быть частной, наслѣдственной собственностью.

— Ахъ, частная собственность! Другими словами, земля и вода были украдены у насъ. Есть ли хоть одна вещь изъ тѣхъ, которыя вы украли у насъ, которую вы, богатые, готовы были бы возвратить намъ?

Разговоръ, какъ ни повъ онъ былъ для короля, начиналъ дѣлаться щекотливымъ.

— Другъ мой, — съ раздраженіемъ сказалъ король, — вы слишкомъ экспансивны и говорите о богатыхъ съ такою злобою, что невольно приходится предположить, что кромѣ несчастій, озлобившихъ вашу ду-

шу, тутъ несомнѣнно сказывается еще вліяніе какого-нибудь вреднаго демагога. Признайтесь: вы наслушались недавно неистовыхъ рѣчей какого-нибудь безнравственнаго агитатора-соціалиста?

— Я слышалъ голосъ только одного агитатора, самаго убѣдительнаго изъ всѣхъ, — отвѣтилъ незнакомецъ. — Этотъ агитаторъ — голодъ, ведущій однихъ къ смерти, другихъ къ безумію, иныхъ, подобно мнѣ, къ анархизму.

— Анархизмъ!—Брови короля нахмурились, когда это слово сорвалось съ его устъ, и цвѣты королевы выпали изъ его рукъ.

— Да, я—анархистъ,—сказалъ незнакомецъ съ такимъ выраженіемъ, какъ если бы онъ сказалъ: я—человѣкъ.

Наступила короткая пауза, потомъ король проговорилъ:—Въ такомъ случаѣ все понятно.

Но онъ не далъ себѣ труда разъяснить собесѣднику, что именно ему понятно, и быстро вскочилъ на ноги.

— Ваше имя?—сурово спросилъ онъ.

— Михаилъ Стериъ,—отвѣтилъ анархистъ.

Онъ тоже всталъ и прямо взглянулъ въ глаза королю.

III.

Король обладалъ мужествомъ средняго человѣка. Его первымъ побужденіемъ, когда онъ узналъ имя этого человѣка, было повалить его на землю, обыскать карманы и отнять находящееся тамъ оружіе. Это не представляло труда, судя по измученному и истощенному виду анархиста. Но осторожность взяла верхъ, и онъ рѣшилъ вмѣсто этого поспѣшить во дворецъ и поставить на ноги полицію. Когда же первый испугъ прошелъ, другая мысль пришла ему въ голову. «Это, думалъ онъ, первый анархистъ, котораго я встрѣтилъ, и полиція позаботится о томъ, чтобы онъ былъ послѣднимъ. Странно, что несмотря на его разрушительныя воззрѣнія, я не замѣчаю въ немъ ни одного симптома жестокости, присущей людямъ этого сорта. Десятки такихъ добродушныхъ лицъ я вижу каждый день среди окружающихъ меня подданныхъ, хотя правду сказать, немногія изъ нихъ такъ интеллигентны. Можетъ быть, мнѣ луч-

ше воспользоваться случаемъ и научить его лойяльности, если онъ дѣйствительно анархистъ Стеръ. Право, онъ выглядитъ слишкомъ простымъ малымъ, чтобы можно было допустить, что онъ и есть именно тотъ важный преступникъ, котораго травитъ моя полиція. Быть можетъ, на анархическомъ горизонтѣ это звѣзда меньшей величины. Посмотримъ».

И вдругъ онъ спросилъ отрывисто и, повидимому, совершенно непослѣдовательно:

— Вы знаете, что эта мѣстность есть частная собственность, и что вы являетесь нарушителемъ чужихъ правъ?

— Да, знаю — отвѣтилъ анархистъ съ спокойной увѣренностью, смутившей короля. «Земли короны. Постороннимъ входъ воспрещается».—Онъ указалъ на дощечку съ этой надписью. — Я случайно наткнулся на нее; но, какъ анархистъ, я придаю мало значенія этому запрещенію. Земля принадлежитъ народу, а не только королю. Если я не уничтожаю подобныхъ символовъ незаконной собственности, то я игнорирую ихъ. Кромѣ того,—и онъ глубоко вздохнулъ,—по травѣ пріятнѣе идти, чѣмъ по шоссе, въ особенности, когда человѣкъ смертельно усталъ, и ему приходится волочить больную ногу.

— Вы сказали, что идете въ столицу. Зачѣмъ же вы попали сюда, за нѣсколько миль въ сторону отъ прямой дороги?

— Это не моя вина.

— А чья же?

— Короля.

— Короля?

— Да. Вонъ тамъ его лѣтняя резиденція, гдѣ онъ теперь живетъ. Его законы противъ анархистовъ далеко не гуманны; законы же его полиціи, хотя и неписанные, еще менѣе гуманны. Если бы я шелъ по большой дорогѣ и натолкнулся вблизи дворца на его охрану, меня навѣрное арестовали бы.

— Это возможно. Ну такъ что же?

Грустные голубые глаза испытующе посмотрѣли на короля.

— У меня нѣтъ желанія быть арестованнымъ. Уже

много дней я пробираюсь въ столицу, и могу попасть туда только тайкомъ. За то, что я вѣрю въ свободу, за то, что я когда-то похитилъ у богатаго человѣка полфунта мяса, чтобы утолить голодъ моихъ дѣтей, я до сихъ поръ не перестаю терпѣть гоненія. Правительству нѣтъ никакого дѣла до того, что я уже достаточно искупилъ мое, такъ называемое, преступленіе. Куда бы я ни пошелъ, полиція слѣдуетъ за мной по пятамъ и мѣшаетъ мнѣ получить работу. Я обреченъ такимъ образомъ на вынужденную праздность; за мной строго слѣдятъ, какъ за человѣкомъ, тайно замышляющимъ злодѣяніе, и наконецъ изгоняютъ изъ отечества. И однако я стою подъ голубымъ небомъ, невиновный ни въ какомъ другомъ преступленіи, кромѣ того, что я вамъ разсказалъ; злодѣяніе же, которое я замышляю, заключается въ томъ, что я стараюсь внушить моимъ ближнимъ то, что они л ю д и, а не рабы, осужденные до скончанія вѣковъ возить на себѣ поповъ, буржуа и полицейскихъ. Моя настоящая миссія принудила меня снова перейти границу. Ночью я подвигаюсь впередъ, а днемъ, какъ теперь, я ищу укромнаго уголка, чтобы отдохнуть. Неужели вы преградите путь мнѣ, разбитому усталостью и неувѣренностью, теперь, когда мое путешествіе близится къ концу?

— Это зависитъ отъ той цѣли, ради которой вопреки запрещенію вы осмѣлились перейти границу.

— Разсказать это не долго.

Анархистъ сдѣлалъ паузу, посмотрѣлъ на сверкающую зыбь, какъ будто находя какое-то утонченное наслажденіе въ ея созерцаніи, потомъ снова перевелъ глаза на короля.

— Мой братъ сидитъ въ тюрьмѣ. Мы выросли вмѣстѣ. Онъ...

Горло у него сжалось, и голова низко опустилась на грудь. Во время наступившей паузы маленькая змѣйка выглѣзла изъ-подъ камней и устремила блестящіе глаза на двухъ людей. Но ни одинъ изъ нихъ не замѣтилъ ея.

— Судьи — сдавленнымъ голосомъ сказалъ онъ, — приговорили его къ смерти. — Онъ мой единственный братъ; мы вмѣстѣ играли дѣтьми, вмѣстѣ боролись за хлѣбъ насущный, вмѣстѣ радовались и горевали. И вотъ я иду къ нему. Не потому, что онъ долженъ уме-

реть.—онъ поднялъ голову, и снова его вдумчивые, выразительные, проникновенные глаза испытующе устремились на короля—послѣднее слово въ вопросахъ жизни и смерти принадлежитъ королю, и онъ, вѣроятно, поцалитъ жизнь отца троихъ дѣтей, еще раньше лишившихся матери; но они могутъ продержать его въ заключеніи долгіе годы.

Хотя глаза короля опустились предъ другими глазами, въ которыхъ появилось выраженіе тоски, и взглядъ скользнулъ по сильной правой рукѣ, чтобы удостовѣриться, попрежнему ли она неподвижна и на прилично мъ ли разстояніи, но онъ отвѣтилъ:

— Если вы подразумѣваете Карла Стерна, человѣка, осужденнаго на смерть за покушеніе на жизнь директора завода «Вулканъ», достойнѣйшаго гражданина и человѣка...

— Онъ самый—Карлъ Стернъ—мой братъ!

— Сегодня утромъ ему былъ подписанъ смертный приговоръ.

Наступило молчаніе. Барсъ гонялся за мухой. Змѣйка свернулась на каминѣ, положила сверху свою злобную плоскую голову и грѣлась на солнцѣ. Легкій вѣтерокъ пробѣжалъ вдоль рѣки, подернулъ ее рябью, и замеръ вдали, подобно вздоху. Откуда-то съ высоты неслись серебристые звуки, потому что жаворонки поютъ, хотя бы сердца человѣческія разрывались отъ горя.

Вдругъ голосъ, полный скорби и угрозы нарушилъ царившую вокругъ гармонію.

— Вы не смѣете, не смѣете!—вскричалъ анархистъ, стремительно подступая къ королю. До сихъ поръ король никогда не видѣлъ несдерживаемаго человѣческаго страданія, какъ и неприкрашеннаго рубища. На него непріятно было смотрѣть. Довольный тою тонкостью, съ которою онъ сорвалъ маску съ настоящаго Михаила Стерна, «съ злодѣя», преслѣдуемаго полиціей, онъ однако отступилъ назадъ.

«Какъ быть»? подумалъ король и свистнулъ Барса. Но собака какъ будто оглохла.

Анархистъ быстрымъ движеніемъ опустилъ руку въ потертый карманъ. У короля захватило дыханіе. Почему не приказалъ онъ стрѣлять въ анархистовъ при нер-

вомъ ихъ появленіи? Теперь, навѣрное, спрятанный въ карманѣ револьверъ положитъ конецъ его царствованію. Но что это? На открытой ладони протянутой къ нему руки анархиста лежала коричневая монета.

— Недурное сходство,—пояснилъ онъ. И хотя глаза его горѣли, какъ раскаленные уголья, странная насмѣшливая улыбка снова появилась на его губахъ.

— Какъ, вы знаете меня?

— А какъ же! Если земля короля — частная собственность, то, по крайней мѣрѣ, его изображенія—общественное достояніе.

Удивленный и оробѣвшій король молчалъ. Роли, казалось, перемѣнились.

— Вы—король, символъ правосудія и справедливости для народа; зачѣмъ же вы унижаете вашъ санъ, осуждая людей—въ данномъ случаѣ невиннаго человѣка—на смерть? — продолжалъ голосъ, взволнованный, но суровый.

— Его осудили судьи, а не я, — отвѣчалъ король, снимая съ себя отвѣтственность, какъ истый потомокъ Пилата,—и онъ вовсе не невиновенъ, вы это знаете.

— Онъ невиненъ, и если судьи виноваты въ томъ, что осудили его, то еще большая вина на васъ, утвердившемъ ихъ приговоръ.

— Ну, въ этомъ вопросѣ мы никогда не столкуемся съ вами. Вашъ братъ былъ арестованъ послѣ того, какъ два раза выстрѣлилъ въ уважаемаго джентльмена.

— Выстрѣлы не попали въ уважаемаго джентльмена и ранено было только его самолюбіе. Вспомните объ ужасной провокаціи, о цѣлыхъ недѣляхъ медленнаго умиранія отъ голода, о нежеланіи хозяевъ вести переговоры со своими рабочими, объ отказѣ директора выслушать ихъ претензіи... И въ то же время рабочимъ нагло лѣзло въ глаза богатство, пріобрѣтенное ихъ трудомъ. Я утверждаю, что мой братъ невиновенъ ни въ какомъ преступленіи, а тѣмъ болѣе въ преступленіи, которое заслуживало-бы смерти, и въ глубинѣ души вы сами сознаете это.

У королей, какъ и у простыхъ смертныхъ, иногда бываетъ совѣсть, и, подъ толстымъ слоемъ привычекъ и заблужденій власти, совѣсть Карла Rex'а содрогнулась.

Онъ вспомнилъ, что, дѣйствительно, подписывая приговоръ, онъ не спросилъ даже о винѣ, за которую послалъ человѣка на смерть.

— Нѣтъ, нѣтъ... прочь сантиментальность! подумалъ король, какъ и раньше въ это утро. Но положеніе становилось такимъ натянутымъ, что необходимо было что либо предпринять. Но чтобы уйти, ему надо было повернуться спиной къ непріятелю, чего не долженъ дѣлать ни одинъ хорошій солдатъ. А тутъ еще эта идіотская собака...

Какъ бы угадывая его мысль, анархистъ замѣтилъ спокойно:

— Вамъ нечего бояться, я не вооруженъ.

— А если бы даже вы и были вооружены,—съ плохо скрытой тревогой возразилъ король, — вы ничего не выиграли бы съ моею смертью.

— Повѣрьте, я никогда не желалъ ея.

— Полно! вы и вамъ подобные питаетесь кровью. Вашъ единственный идеалъ —убійство, а такъ какъ нападеніе на полицію въ большинствѣ случаевъ угрожаетъ пулею вашему собственному лбу, то вы предпочитаете убійство высокопоставленныхъ лицъ, что влечетъ за собою, по крайней мѣрѣ, извѣстность.

— Кто это говоритъ?

Спокойный вопросъ, заданный судейскимъ тономъ, показался оскорбительнымъ королю.

— Весь свѣтъ!—гнѣвно воскликнулъ онъ.

— Вы подразумѣваете журналистовъ и полицейскихъ, которымъ платятъ за то, чтобы они лгали, а если и не платятъ, то они лгутъ въ кредитъ. Вы предполагаете, что трусость мѣшаетъ намъ нападать на полицейскихъ. А развѣ безопаснѣе нападать на короля? Вѣдь нападающему грозитъ неминуемая смерть. Нѣтъ, дѣло не въ этомъ. Развѣ мы, въ самомъ дѣлѣ, злодѣи, трусливые убійцы, питающіеся кровью? Развѣ нашъ идеалъ—убійство? Все это не болѣе какъ клеветы полиціи и буржуазныхъ газетъ. Я разсказалъ вамъ исторію моей жизни. Похожъ ли я на человѣка, питающагося кровью?

 Встрѣтивъ ясный, спокойный взглядъ голубыхъ

глазъ на худомъ, истощенномъ лишеніями лицѣ, король смущенно отвелъ глаза въ сторону.

— Если общество устроено такъ, — продолжалъ анархистъ, — что богатые не имѣютъ побудительныхъ причинъ для преступленія, а бѣдные имѣютъ ихъ безъ конца, то преступнымъ является само общество, а анархисты являются людьми, которые отказываются стать тѣмъ, чѣмъ хотѣло бы сдѣлать ихъ общество. Правящій классъ дѣлитъ родъ человѣческій на слугъ и господъ. Однако съ древнихъ временъ господа чувствовали несправедливость такого раздѣленія. Чтобы снять отвѣтственность съ себя, они выдумали Бога и свалили на него всю вину. И вотъ они говорятъ намъ, что по волѣ Божьей мы трудимся всю жизнь среди горя, обливаясь потомъ, никогда не вкушая плодовъ этого труда; по волѣ Божьей мы тысячами гибнемъ въ мастерскихъ и рудникахъ; по волѣ Божьей наши сыновья дѣлаются пушечнымъ мясомъ, а дочери добычей улицы; по волѣ Божьей бѣдные изнемогаютъ отъ непосильнаго труда, а праздные богачи мирно благоденствуютъ. Хотя намъ вы болтаете о почетности и счастіи труда, многіе ли изъ васъ согласятся раздѣлить съ нами эту честь и это счастіе, сбросить нарядное платье, согнуть шею подъ ярмо и работать, какъ мы работаемъ, изо дня въ день, здоровые или больные, имѣя надсмотрщикомъ нужду, а бичемъ голодъ?

— Ну, эти вопросы предоставимъ рѣшать теологамъ или экономистамъ,—съ нетерпѣніемъ сказалъ король;— благоразумные люди должны брать міръ такимъ, какимъ онъ есть; не могутъ же всѣ быть господами. Я родился королемъ, вы — ремесленникомъ; неправда ли, вамъ хотѣлось бы помѣняться мѣстами?

Анархистъ улыбнулся.

— Нѣтъ, легенда о зависти, толкающей анархистовъ на преступленія, такая же клевета, какъ и приписываемая имъ кровожадность. Что же касается вашего положенія, то это вамъ оно кажется такимъ почетнымъ, мы же, анархисты считаемъ его ниже достоинства каждаго изъ насъ: короли царствуютъ теперь, опираясь не на любовь народа, а на грубыя силы, сплоченныя позади трона. Какъ только человѣкъ заявитъ права на свободу,

попытается жить, какъ велитъ ему совѣсть, а не какъ диктуетъ государство, тотчасъ же полиція, олицетворяющая законъ, вооруженный солдатъ, олицетворяющій насиліе, священникъ, олицетворяющій суевѣріе, — эти три силы, тѣсно сплотившіяся позади трона,—нападаютъ на свободнаго человѣка, и если не могутъ погасити въ немъ духа мятежа, то убиваютъ его. Такимъ образомъ, въ теченіе многихъ вѣковъ милліоны мужчинъ и женщинъ страдали и умирали за свободу, а ихъ братья, загипнотизированные государствомъ и церковью, одобряли совершаемое насиліе, или въ безпомощномъ молчаніи проходили мимо. Но теперь глаза людей открываются. Въ силу привычки милліоны людей все еще подчиняются притѣсненіямъ и насиліямъ, но уже не говорятъ больше: «Они правы; для того они и родились». Церковь все еще одурманиваетъ, государство порабощаетъ, но люди уже спрашиваютъ другъ у друга: «Что такое церковь? что такое государство»? Люди начинаютъ идти рука объ руку, души ихъ возвышаются надъ сѣрой дѣйствительностью, тяжелыя оковы падаютъ съ ногъ, надежда загорается въ потускнѣвшихъ отъ слезъ глазахъ. Свобода запѣваетъ свою пѣснь въ каждомъ сердцѣ, вдыхаетъ жизнь въ мертвыя кости, и ни для кого не звучитъ съ такою силою ея призывный кличъ, какъ для ея любимыхъ дѣтей—анархистовъ. И когда ей угрожаетъ опасность, они первые спѣшатъ къ ней на помощь, первые выходятъ на очную ставку съ тиранніей и насиліемъ, первые проповѣдуютъ возмущеніе и послѣдніе покоряются деспотизму. Да здравствуетъ анархизмъ, духъ разрушенія и въ тоже время созидающій духъ, одно прикосновеніе котораго, даже самое мимолетное, оставляетъ въ человѣческой душѣ неизгладимый слѣдъ! Да здравствуетъ анархизмъ, разоблачающій всю ложь міра и бросающій вызовъ жизни и смерти, анархизмъ, лозунгъ котораго—Братство и боевой крикъ — Свобода!

Король съ удивленіемъ глядѣлъ на анархиста, пока тотъ произносилъ эту пылкую тираду: фигура его какъ бы выросла, гордо закинутая голова была полна благородства; вдохновеніе великой идеей и несокрушимое му-

жество сіяли въ смѣлыхъ глазахъ, смотрѣвшихъ поверхъ короля, на холмы, за которыми лежалъ міръ.

Ироническое настроеніе монарха было видимо нарушено. Шефъ его полиціи называлъ этихъ людей «извѣстными трусами», «презрѣнною сволочью». Какъ примирить такіе эпитеты со словами и поведеніемъ Михаила Стерна, анархиста? Возможно ли, чтобы важный полицейскій сановникъ унизился до лжи, и кому же? своему государю? Бываетъ ли дымъ безъ огня? Нѣтъ, въ концѣ концовъ когти должны показаться; ловкій плутъ можетъ дурачить другихъ, но не короля Карла.

— Странно слышать отъ васъ, — замѣтилъ онъ, тонкой иронической улыбкой возстановляя свое душевное спокойствіе,—о свободѣ и братствѣ, которыя вы ежеминутно попираете своими дѣлами, заставляющими содрогаться человѣчество; вѣдь орудіями для преобразованія вселенной вамъ служатъ трусливая бомба и безжалостный кинжалъ, и вы одинаково поражаете ими бѣдныхъ и богатыхъ, виноватыхъ и невинныхъ!

— Это, можетъ быть, печально, но нисколько не странно,—отвѣтилъ анархистъ, и страданіе выразилось въ его глазахъ, которые онъ перевелъ съ далекихъ холмовъ на собесѣдника. — Если благоразумные люди (я употребляю ваше выраженіе) берутъ міръ такимъ, какимъ они находятъ его, то что дѣлать тѣмъ, которые хотятъ оставить его лучшимъ, чѣмъ нашли, когда тѣ другіе стараются всѣми силами помѣшать улучшенію міра? Каково положеніе вещей въ наши дни? Съ одной стороны мы находимъ шайку людей, которые силою и обманомъ не только завладѣли каждымъ клочкомъ земли, всѣмъ народнымъ богатствомъ, но и стремятся удержать за собою и передать потомству средства и орудія производства этого богатства. Съ другой стороны — инертная масса полусознательнаго человѣчества, густая толпа невѣжественныхъ тружениковъ, эксплуатируемыхъ отъ рожденія до смерти за корку хлѣба. Не естественно ли, что человѣкъ, внезапно пробудившись для истиннаго пониманія вещей, начинаетъ сознавать ихъ несправедливость, сознавать свои права и права своихъ ближнихъ. «Не заслуживаемъ ли мы большаго, чѣмъ корка хлѣба?» — думаетъ онъ. Со всѣхъ сторонъ его

братья бьются, мучатся, умираютъ изъ-за этой жалкой корки хлѣба, составляющей все содержаніе и суть ихъ жизни, тогда какъ кругомъ такое изобиліе всего. Но это изобиліе окружено стальнымъ кольцомъ штыковъ и изгородью изъ дубинъ полицейскихъ и закрыто мантіей короля и покровомъ церкви. Онъ протягиваетъ впередъ руку, и его разрываютъ на куски. Но его предсмертный крикъ доносится до его близкихъ, будитъ сознаніе, и то одинъ, то другой изъ нихъ идутъ тѣмъ же путемъ, пока недовольство, родной братъ прогресса, не охватываетъ всей массы. И только тогда, когда стѣна искаженныхъ отчаяніемъ и злобою лицъ является на очную ставку съ сильными міра, послѣдніе рѣшаются поступиться нѣсколькими крохами этого изобилія, но такъ медленно, такъ нехотя, что весь міръ бѣлѣетъ костьми тѣхъ милліоновъ, которые погибли ожидая. Такъ было вчера. Но сегодня землекопы и каменотесы, презираемые во всѣ вѣка, путемъ тяжкихъ усилій, борьбы и неудачъ пріобрѣли болѣе правильное понятіе своихъ человѣческихъ правъ. И вамъ уже не такъ легко справляться съ ними. Теперь, когда мы протягиваемъ руку, вы не смѣете уже убивать насъ такъ часто, какъ прежде: наше предсмертное хрипѣнье стало безпокоить міръ. Мы убѣдились путемъ горькаго опыта, что вы уступаете только насилію, и не вамъ проклинать насъ за нашу жестокость!

Не въ тысячу ли разъ болѣе проклятъ правительственный солдатъ, стрѣляющій по командѣ въ толпу безоружныхъ людей, въ которой есть женщины и дѣти, чѣмъ тотъ, кто, обезумѣвъ отъ незаслуженныхъ страданій, поджигаетъ дома богачей или бросаетъ бомбу въ ихъ собраніе? Первый легкомысленно убиваетъ своихъ братьевъ; второй — безжалостныхъ враговъ. Невинныя жертвы нашей мести горько оплакиваются, и къ счастію, ихъ немного. Но кто сосчитаетъ жизни, которыя вы принесли въ жертву на алтарь вашего властолюбія, вашей алчности, вашихъ вожделѣній? Прикажите солдату стрѣлять во второй, въ пятый, въ десятый разъ въ толпу, единственное оружіе которой камни, и онъ будетъ стрѣлять. Велите полиціи очистить улицы; развѣ она, работая дубинами и саблями, пощадитъ стараго или малаго? Тогда какъ видъ одной разорванной жен-

щины или ребенка навсегда парализуетъ руку вооружающаго анархиста. Онъ сражается не для того, чтобы отнять жизнь, а чтобы спасти тысячи жизней, которыя отнимаетъ ежедневно вашъ режимъ. Если онъ проповѣдуетъ терроръ, то только потому, что нѣтъ другого средства отрезвить эксплуататоровъ, слѣпыхъ и глухихъ къ нуждамъ рабочихъ, умышленно закрывающихъ глаза на несправедливости. Все, все отнято у насъ! А когда мы мирно требуемъ своихъ правъ, вы своими законами надѣваете намордники на прессу, на митинги, на уста рабочаго. Если онъ справедливо настаиваетъ, вы «примѣрно наказываете» его. И надо ли удивляться, что, когда представляется удобный случай, въ душѣ пострадавшагося и отчаявшагося человѣка является желаніе примѣрно наказать своихъ притѣснителей? Представьте себѣ, каковъ былъ бы вашъ образъ мыслей, если бы вамъ, какъ мнѣ, пришлось видѣть свою жену, умирающею у вашихъ ногъ отъ голода и переутомленія, благодаря безсердечію капиталиста. Или что сдѣлали бы вы, если бы, какъ въ случаѣ съ моимъ братомъ, вашъ мозгъ былъ воспламененъ длиннымъ рядомъ увеличенныхъ рабочихъ дней съ уменьшенной платой, а въ концѣ зимы хлѣбъ былъ бы вырванъ изо рта вашихъ дѣтей вслѣдствіе мелкой злобы и алчности человѣка, предпочевшаго лучше закрыть заводъ, чѣмъ прибавить лишнее пени? Но нѣтъ! Вы не можете постигнуть подобныхъ вещей! Какъ я уже сказалъ, мы можемъ понять вашу радость, но вы никогда не будете способны измѣрить глубину нашей скорби.

Смущеніе согнало иронію съ лица короля. Въ первый разъ въ своей жизни онъ задумался, задумался такъ глубоко, что не замѣтилъ такъ же, какъ не замѣтилъ и анархистъ, не спускавшій съ него печальныхъ испытующихъ глазъ, что маленькая коричневая птичка перестала пѣть, а лежавшій въ сторонѣ волкодавъ глухо зарычалъ, устремивъ зоркіе глаза на противоположный берегъ рѣки.

Передъ этимъ король опять сѣлъ, и глаза Михаила Стерна, какъ бы оцѣнивая его тщедушную фигуру, скользнули отъ незначительнаго лица къ маленькимъ, изящнымъ ногамъ, на которыхъ и остановились, вдругъ

загорѣвшись напряженнымъ вниманіемъ: вокругъ одной изъ стройныхъ лодыжекъ, которыми такъ гордился король, обвилось что-то вродѣ тусклой желтой ленты, но надъ лентой качалась зловѣщая плоская голова, и немигающіе глаза были устремлены на кусочекъ тѣла, просвѣчивающій сквозь ажурный шелковый чулокъ.

На лицѣ анархиста исчезло суровое спокойствіе, гордое терпѣніе, самообладаніе и всякій слѣдъ высшихъ чувствъ, накладывавшихъ на него особый отпечатокъ. Глаза его загорѣлись злобнымъ огнемъ; въ каждой чертѣ его лица, подобно какой-то дьявольской маскѣ, появилось выраженіе такой неистовой и сосредоточенной ненависти, такой мстительной злобы, какая могла быть унаслѣдована только отъ безчисленныхъ поколѣній рабовъ и воспитана долгими вѣками страданій, униженій и несправедливостей.

Убійца его брата, главный и наслѣдственный врагъ естественныхъ правъ человѣка, глава деспотическаго государства, былъ въ рукахъ анархиста. Одно неосторожное движеніе—и ядъ проникъ бы въ вены короля, неся съ собою смерть.

По король былъ погруженъ въ свои мысли и не видѣлъ безмолвной борьбы, отъ которой поблѣднѣло лицо и судорожно сжались руки стоявшаго передъ нимъ человѣка; не замѣтилъ онъ также и гордаго движенія головы, когда, наконецъ, состраданіе восторжествовало въ душѣ этого человѣка надъ сладострастіемъ мести. Молчаніе было внезапно прервано низкимъ, глухимъ голосомъ, и тонъ его былъ такъ повелителенъ, что король инстинктивно повиновался.

— Не шевелитесь! У васъ на ногѣ ядовитая змѣя... Я сейчасъ убью ее. Вотъ!..

Смутно, какъ во снѣ, увидѣлъ король, какъ мелькнула въ воздухѣ рука. Потомъ что-то дернуло его за ногу, и въ ту же минуту раздались три короткихъ выстрѣла изъ-за рѣки, и человѣкъ упалъ у его ногъ, корчась въ безпомощной агоніи.

Все это произошло такъ быстро, что ошеломленный король продолжалъ сидѣть неподвижно нѣкоторое время. Прежде чѣмъ онъ былъ въ состояніи вскочить со своего мѣста, послышался плескъ веселъ по рѣкѣ и то-

ропливыя приказанія, отдаваемыя знакомымъ голосомъ. Къ корчившемуся на землѣ человѣку бросились трое другихъ; двое сдавили ему колѣнями ребра, а третій ударялъ слабо шевелившуюся голову объ острые камни, на которыхъ она лежала.

Тогда король опомнился. Онъ не былъ сантименталенъ: онъ не разъ проѣзжалъ по полю сраженія, еще дымившемуся отъ пороха, видѣлъ десятки лошадей съ вывернутыми внутренностями и изуродованныхъ людей, но звѣрское истязаніе смертельно раненаго человѣка вызвало въ немъ ужасъ и болѣзненное отвращеніе.

— Прочь отъ него негодяи!—крикнулъ онъ, красный отъ стыда и бѣшенства.—Отзовите же вашихъ людей, Штейнкопъ!.. Клянусь небомъ, вы мнѣ отвѣтите за это!

— Онъ заслуживаетъ всего, что бы мы съ нимъ ни дѣлали,—спокойно возразилъ шефъ полиціи.—Да, можете благодарить Бога, государь, какъ благодарю его я,—набожно прибавилъ онъ,—за то, что мы шагъ за шагомъ слѣдовали за вами въ это утро. Еще минута—и вы получили бы рану въ самое сердце. Мы застрѣлили бы его минуту, тому назадъ, но боялись задѣть и васъ.

— Вы смѣете утверждать, что онъ хотѣлъ убить меня? Но у него нѣтъ оружія и онъ спасъ мнѣ жизнь!—Смотрите!

Король указалъ на лежавшую на камняхъ мертвую змѣйку.

Полицейскій сановникъ улыбнулся съ снисходительнымъ сожалѣніемъ.

— Я полагаю, мы знаемъ свое дѣло, государь. Человѣкъ у вашихъ ногъ—Стернъ, отчаянный анархистъ, отъ котораго мы предостерегали васъ. По полученнымъ нами свѣдѣніямъ, онъ намѣревался убить ваше величество.

— Ложь!—воскликнулъ король и съ жестомъ отчаянія бросился къ массивнымъ фигурамъ, навалившимся на умирающаго. Но съ такимъ же успѣхомъ онъ могъ бы пытаться сдвинуть горы.

— Предоставьте его намъ. Отойдите, государь! Эти дьяволы способны выкидывать свои штуки даже и въ предсмертной агоніи!—сказалъ шефъ полиціи, и голосъ его, хотя и почтительный, звучалъ строго, потому что ни

одинъ человѣкъ, хотя бы онъ былъ двадцать разъ король, не долженъ мѣшать полиціи въ исполненіи ея долга.

Король бранился и негодовалъ въ своемъ безсиліи. Но только тогда, когда Матіасъ и его товарищи нашли, что достаточно избили и искалѣчили умирающаго, они поднялись и съ удовольствіемъ смотрѣли на дѣло рукъ своихъ. Все кругомъ было залито кровью. Кровь была на камняхъ, о которые полицейскіе колотили голову, кровь текла изъ зіявшей на затылкѣ раны, обрызгала росшіе вокругъ цвѣты и ручейкомъ текла между ихъ корнями. Но конвульсивный вздохъ показалъ, что жизнь еще теплилась. Король содрогнулся и наклонился къ умирающему.

— Принесите воды!—приказалъ онъ.

— Что? Дать пить умирающему анархисту?

Полицейскіе колебались. Тогда король сорвалъ съ себя шляпу, бросился къ рѣкѣ и окропилъ живительною влагой землистое лицо, умирающаго.

— Стернъ,—отрывисто прошепталъ онъ, съ такимъ горемъ и стыдомъ, какихъ никогда не испытывалъ, — Стернъ, я въ этомъ не виноватъ!.. повѣрьте мнѣ!..

Неужели эти глаза никогда больше не откроются, и эта новая жертва ложной системы умретъ, проклиная его, на что имѣетъ полное право?

Вѣки умирающаго дрогнули; въ послѣдній разъ тусклые голубые глаза взглянули на короля, и когда онъ наклонился ниже, губы зашевелились и слабый шопотъ достигъ его слуха:

— Я понимаю. Однако... какъ глава системы... король отвѣтственнѣ...

Послѣдними словами анархиста, а не его ножомъ, пораженъ былъ въ самое сердце король.

Минуту спустя тѣнь иронической улыбки, казалось, мелькнула на губахъ Михаила Стерна; онъ повернулъ лицо къ небу и умеръ.

— Однимъ меньше!—промолвилъ шефъ полиціи, и его стальные глаза сверкнули.

А небо было по прежнему ясно и чисто, какъ голубые глаза ребенка; и рѣка весело бѣжала, какъ смѣющееся дитя...

Изданія Московской федераціи анархическихъ группъ.

НОВОМІРСКІЙ. Манифестъ Анархистовъ-Коммунистовъ. **Цѣна 25 коп.**
П. А. КРОПОТКИНЪ. Рѣчи бунтовщика. **Цѣна 1 р. 80 коп.**
В. Э. Письмо анархиста брату рабочему. **Цѣна 25 коп.**
Король и анархистъ. **Цѣна 25 коп.**
СЕБАСТЬЯНЪ ФОРЪ. Преступленіе Бога. **Цѣна 25 коп.**
А. ЖИРАРЪ. Идеи революціоннаго анархизма среди французскаго пролетаріата. **Цѣна 15 коп.**

Готовятся къ печати.

П. А. КРОПОТКИНЪ. Анархія и ея мѣсто въ соціалистической эволюціи.
ЕГО ЖЕ. Современная наука и анархизмъ.
Э. МАЛАТЕСТА. Краткая система анархизма.
ЕГО ЖЕ. Крестьянскія рѣчи.
ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ. Анархія.
ЖАНЪ ГРАВЪ. Умирающее общество и анархія.
ЕГО ЖЕ. Будущее общество.
П. А. КРОПОТКИНЪ. Завоеваніе хлѣба.
МИХАИЛЪ БАКУНИНЪ. Богъ и Государство.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ
Москва, Крымскій валъ, Мароновскій пер., домъ № 12,
Вл. Михайловъ.